

Цин Уянь оглядел всех четверых и с первого взгляда понял, что все они были очень сильными магами. И если бы ему пришлось сражаться с ними напрямую, вряд ли он смог бы так просто отделаться.

Но только клан Веном всегда пользовался методами теневого боя или, лучше сказать, побеждал хитростью и подлостью. Сейчас Цин Уянь контролировал целый муравейник, к тому же при себе он имел множество различных ядов. Конечно же, он мог ничего не опасаться, и в этой битве преимущество было именно у него.

Цен Шушу всегда отличался острым умом, но сейчас даже у него заболела голова от размышлений. Едва он взглянул на кошмарных муравьев, смелости у него чуть убавилось. Он тихим голосом сказал остальным: «Ну, и что мы решили? Сражаемся или уходим?»

Ли Синь нахмурился, но ничего не ответил. Честно говоря, характер у него был такой, что он никогда не отступал. Но когда он только что сражался с этими муравьями, хоть и убил несколько сотен, их все прибывало и прибывало. Эта ужасающая картина заставила его сейчас усомниться в собственных силах.

Фасян тоже ничего не сказал, но тут неожиданно голос подал Бэй: «Я думаю, что мы можем сразиться с ним. Ведь эти муравьи живут в диких условиях, и изначально не привыкли к людям. Значит, он управляет ими с помощью какой-то магии. Если мы изолируем его, то сможем выиграть бой!»

Фасян тут же кивнул. «Брат Бэй сказал верно, тогда вы вдвоем...»

Цен Шушу перебил его: «Да, Бэй сказал верно. К тому же, нас четверо против его одного. Если мы сбежим, это будет просто позор!»

Все трое посмотрели на Ли Синя. Он был одним из лучших учеников молодого поколения Тайо, всегда очень гордый и высокомерный. И если бы не эти муравьи, он бы первым набросился на Цин Уяня. Сейчас, когда все трое посмотрели на него, он не ударил лицом в грязь и немедленно ответил: «Сражаемся!»

Фасян кивнул и тихо сказал: «Так вот, мы разделимся на пары, брат Цен и брат Ли будут прикрывать нас от муравьев, а я с братом Бэем нападу на Цин Уяня. Ну как?»

Трое кивнули в знак согласия.

Пока они обсуждали план действий, Цин Уянь стоял снаружи золотого круга и тоже размышлял. Только что, когда он натравил муравьев на Ли Синя, его уровень оказался намного выше, чем Цин Уянь мог ожидать. И только один человек убил больше сотни гигантских

ядовитых муравьев! А сейчас их было трое, да к тому же каждый был силен. Среди них еще этот Фасян... за последние годы Цин Уянь был наслышан об этом монахе.

Еще до начала сражения с ним можно было судить по Кругу Сердечной Чакры, насколько силен этот монах. Даже гигантские муравьи, которыми он управлял, не могли пробиться через этот круг, как ни старались. Такую силу нельзя было недооценивать...

И когда он только начал думать о том, как ему сражаться с ними четверыми, впереди вдруг раздался свист! Сверкнула золотая вспышка, Круг исчез, а четверо врагов тут же накнулись на него. Муравьи тоже пришли в движение.

Цин Уянь словно обрадовался этому. Он громко рассмеялся, взмахнул левой рукой, и в ней появилась черно-белая металлическая флейта. Но он не стал играть на ней, а только лишь прорезал воздух перед собой, при этом левой рукой закрыл несколько отверстий на флейте. В ту же секунду раздался тихий и спокойный звук.

На человека этот звук никак не действовал, только муравьи, которые собрались на земле вокруг него, словно услышали какой-то приказ. Они тут же зашевелились и раскрыв пасти напали на четверых учеников Света.

Ли Синь и Цен Шушу давно были готовы к такому повороту, они тут же вылетели вперед со своими эсперами, и в первую же секунду убили сразу несколько десятков опасных насекомых. Это было непросто, и Цен Шушу даже подумал, что эти муравьи в самом деле ужасные противники. Ли Синь, который уже сражался с этими тварями, успел привыкнуть и поэтому ничего странного не заметил.

Эсперы сверкали не переставая, и скоро все муравьи были оттеснены на одну сторону, в этот момент Бэй и Фасян превратились во вспышки света и молнией рванулись вперед. Убийца Драконов засиял бирюзой, озарив светом темный лес вокруг на несколько чжанов, его лезвие направилось прямо к Цин Уяню.

Сила этого меча была велика, и Цин Уянь нахмурился, подумав при этом, что с этими четверыми не просто будет справиться. Однако он не собирался отступать, флейта снова заплясала в его руке, раздался странный звук, бесчисленное количество муравьев закрыли его от удара. В это время в его правой руке возник сияющий кинжал, с трудом заблокировавший удар меча Бэя.

Фасян, глядя на него, нахмурился. Он узнал этот эспер – десять лет назад Ядовитый Шень сражался именно им во время битвы с Айне. Фасян тихо произнес: «Убийца Чувств?»

Цин Уянь замер, услышав это, и на его лице отразилась тень восхищения. Отражая удары Бэя, он прокричал: «Да у вас отличное зрение, мастер Фасян! Это именно Убийца Чувств, божественный кинжал!»

Фасян тут же присоединился к Бэю, но не стал сразу нападать, а только спокойно сказал: «Жаль, что такой талантливый воин пошел не по тому пути. Может быть, передумаете? Пока еще не поздно прибиться к берегу».

Цин Уянь расхохотался, в левой руке мелькнула флейта, а в правой ярко сверкнул кинжал. Он вдруг сделал один за другим пять шагов в определенной последовательности, из его уст прозвучало заклинание: «Любовь покинула меня, чувства стали горечью, за подаренное счастье не расплачусь я во век. Десять лет любви, сто лет страданий! Боль нестерпима, пока живы воспоминания!»

Его обычно спокойное лицо сейчас словно засияло фиолетовым, а его эспер сверкнул яркой вспышкой, озарив все вокруг. Свет Убийцы Драконов тут же померк, а Цин Уянь с небывалой гордостью в голосе продекламировал: «Смотри, монах, думаешь, я пошел не по тому пути? Но сейчас я смеюсь вам в лицо! В мире множество путей, и все они верные. Или ты думаешь, что берег только на вашей стороне, а вокруг – одно лишь море?»

Фасян мягко улыбнулся, не обращая внимания на его слова. И только он хотел присоединиться к сражению и помочь Бэю, как вдруг впереди сверкнуло бирюзовое сияние, и раздался голос Бэя, в котором сейчас была одна лишь уверенность: «В мире много путей, но верный только один. Путь Света защищает людей и дает им надежду. Ты – Тьма, я – Свет. И я сокрошу тебя!»

Раздался громогласный рев, Убийца Драконов сверкнул ярким светом и поднялся в небо. Потом вдруг разделился на несколько лучей, которые словно дождь обрушились прямо на Цин Уяня.

Тот нахмурился и подумал, что недооценил этого мальчишку. Сейчас ему оставалось только отбивать удары лучей Убийцы Драконов и понемногу отступать. Конечно, ему приходилось несладко, ведь прямо перед ним был легендарный Убийца Драконов, сразивший немало врагов. Эта битва была очень непростой для него.

Он только на секунду отвлекся, движения стали чуть медленнее, и тут же Цин Уянь потерял контроль над флейтой, которая управляла ядовитыми насекомыми. Только в этот момент измученные Цен Шушу и Ли Синь смогли немного передохнуть. И хотя они сражались не очень долго, муравьи все не заканчивались и не заканчивались, и люди уже начали уставать.

Цен Шушу громко вскрикнул: «Эй, брат Фасян, ну сколько можно, вы все еще нянчитесь с ним? Вы уж разделайтесь с врагом поскорее, иначе нас сожрут эти твари, и тебе придется читать мне поминальную мантру!»

Фасян горько усмехнулся, но ничего не ответил, глядя как Цин Уянь снова и снова отражает атаки Бэя. Он только спокойно сказал: «Поберегитесь, принц Цин».

После этих слов Сфера Удачи сверкнула золотом и взлетела в воздух.

Цин Уянь нахмурился, он уже потратил немало сил в битве с Бэем, уровень которого оказался

намного выше, чем он ожидал. А теперь еще к Бэю присоединился Фасян... Цин Уянь фыркнул, сделал какое-то движение, и тут же со стороны его правого плеча вылетели три тени, которые быстро разделились и с разных сторон полетели к Фасяну.

Фасян действовал осторожно, не решаясь упускать эти тени из виду. Сфера Удачи остановилась и золотой свет стал ярче, две из странных теней были отражены, но одна все же проникла сквозь золотое сияние.

Фасян резко выдохнул, при этом сложил пальцы в форме ножа и выставил ладонь навстречу этой тени.

Тень дрогнула в полете, затем, словно получив тяжелый удар, упала на землю. Это оказалась черная змея с тремя рогами на голове. Наверняка она была ядовитой, но сейчас змея лежала на земле не двигаясь, кажется, умерла.

Цин Уянь замер, затем одобрительно кивнул. «Путь Успокоения Духа! Так значит, не только Легендарные монахи Скайи владеют этой техникой. Сила мастера и впрямь велика, я восхищен и поражен! Однако, вы ведь только что убили живое существо, неужели ваш бог не накажет вас за это?»

Фасян ничего не ответил, Бэй снова нанес удар, озарив Цин Уяня бирюзовым светом, и холодно сказав: «Вы, твари Малеуса, каждый день убиваете людей без счета, творите всякие непотребства! И ты еще смеешь упрекать в чем-то человека Светлого пути!»

Цин Уянь усмехнулся, увернувшись от удара еще одного луча. Убийца Чувств тут же сверкнул снова и атаковал Бэя. Одновременно с этим из его правого рукава вылетели семь или даже восемь теней, коричневых, черных, бордовых, ярко-красных... В свете эсперов все увидели, что это были разнообразные жабы, ящерицы и другие ядовитые твари. Они все полетели к Фасяну и отделили его от остальных так, что к нему нельзя было подобраться.

Все вокруг просто онемели от такой наглости. Как можно было носить при себе столько ядовитых гадов и не бояться смерти от их укуса? Из всех четверых Цен Шушу в своих мыслях забрел дальше всех, подумав о том, что если бы эту картину увидели все его соратники из Айне, они бы наверняка попадали бы от страха в обморок, так что даже эспер не могли бы поднять...

Эта мысль мелькнула и исчезла, но рука Цен Шушу дрогнула, и его тут же укусил гигантский муравей. К счастью, укус пришелся на голенище сапога, и все же Цен Шушу тут же сконцентрировался на битве – сейчас нельзя было отвлекаться.

Вместе с Ли Синем они сражались с полчищем муравьев, и уже сильно устали. Конечно, они уже убили немало этих тварей, но муравьи, казалось, никогда не закончатся, они прибывали словно река.

Цен Шушу и Ли Синь переглянулись, увидев схожие чувства в глазах друг друга. И только они хотели отступить на несколько шагов, как вдруг Цен Шушу увидел впереди в глубине леса слабый огонек синего цвета.

Он тут же застыл на месте!

Цин Уянь впереди нахмурился, потому что как раз в этот момент он начал думать об отступлении. С этими четырьмя было непросто сражаться, даже гигантские муравьи, которых, как он считал, трудно сдержать, не могли навредить этим двоим, за все это время они не продвинулись ни на шаг! Да к тому же Убийца Драконов в руках молодого ученика Айне добавлял ему проблем. При этом Бэй сражался так, что у Цин Уяня даже не было возможности обдумать путь к отступлению.

И конечно, все эти ядовитые твари не могли долго сдерживать Фасяна, и если он присоединится к битве, Цин Уяню точно не сдобровать. И хотя он был самым талантливым учеником клана Веном, сейчас положение начинало складываться не в его пользу. Он взмахнул правой рукой, и еще три ядовитых твари полетели к Фасяну. Убийца Чувств сверкнул ярче обычного, удар был такой силы, что Бэй вынужден был отступить на шаг назад.

В этот момент Цин Уянь вдруг поднялся в воздух высоко над ними и со смехом сказал: «Что ж, на этом сегодняшняя битва...»

Он еще не договорил, когда Цен Шушу вдруг громко крикнул: «Сестра Лу, скорее, задержи его!»

Цин Уянь удивленно вздрогнул, когда из темноты перед ним вдруг сверкнула синяя вспышка. Но он не растерялся и тут же выставил вперед Убийцу Чувств, в полной уверенности, что каким бы сильным ни был этот эспер, он сможет сдержать его удар.

К несчастью, хоть он и был готов к удару синей вспышки, но вокруг неожиданно стало очень тихо, и с другой стороны из леса на него накатила холодная волна, тяжело и беззвучно ударив его справа.

И хотя Цин Уянь до этого держался на высоте, этот удар был слишком сильным – он выплюнул фонтан крови, запачкав одежду красными пятнами. В этот момент он еле пришел в себя и тут же выпустил из рукава больше десятка ядовитых тварей, а затем отлетел как можно дальше назад. Через несколько секунд издали раздался его озлобленный голос: «Будь ты проклят, Зевул! Когда-нибудь я поквитаюсь с тобой за это...»

Эти слова заставили всех присутствующих замереть. Цин Уянь вдруг исчез и перестал контролировать гигантских муравьев, но они все равно не перестали нападать. Цен Шушу и Ли Синь уже не могли их сдержать, и скоро муравьи окружили даже Бэя и Фасяна.

Синяя вспышка в воздухе слегка замигала, и вдруг, не обращая внимания на остальных, словно

молния направилась на другую сторону леса. Там словно слышался чей-то вздох, и сверкнул зеленый свет. Однако, этот свет словно не собирался сражаться, а только развернулся и полетел прочь. Синяя вспышка не намерена была его отпускать и тут же направилась в погоню.

Уровень этих двоих явно был очень высок – в мгновение ока от них остались лишь следы в ночном небе, а через несколько секунд даже и следов не осталось.

Фасян и остальные одновременно выдохнули и поднялись в воздух. Муравьи, лишившись противника и потеряв часть своего муравейника, гневно стрекотали вниз, но уже не могли их достать.

Фасян и остальные уже не обращали на них внимания, они осматривали окружающий лес, но, к сожалению, вокруг уже было тихо, синяя и зеленая вспышки исчезли в небе. Они машинально переглянулись.

Помолчав минуту, Цен Шушу вдруг тихо сказал: «Это был он?»

Фасян немного подумал о чем-то, затем в его глазах появилось странное выражение, и он со вздохом произнес: «Наверняка это был он».

Они посмотрели друг на друга, затем одновременно повернулись к Бэю, увидев только, что он стоит в одиночестве, ночной ветер раздувает полы его одежды, на молодом лице нет никакого выражения, и только пара ярких глаз неотрывно смотрит вдаль, в сторону темного ночного леса.

Ночь была глубокой.

В древнем лесу было тихо, словно даже птицы и насекомые вдруг куда-то исчезли.

Даже ветер в ночи стал немного тише, словно выражая свою печаль.

В ночи сверкнула и пропала зеленая вспышка, словно незванный гость, нырнувший в темноту. Но тут же за ней показался синий свет, он резал глаза и разрывал тьму вокруг, заставляя ее отступить. Он неотрывно следовал за той вспышкой.

Зеленая вспышка легко летела сквозь ночь, очень высоко над лесом, все время ускоряясь. Но, не смотря ни на что, она не могла улизнуть от синего сияния, словно тот синий свет ни за что не желал ее упустить, не отставая ни на шаг.

Чье дыхание слышалось в темноте?

Чья душа распахивалась навстречу ночи?

Темнота накатывала со всех сторон и отступала снова, ветер налетал и опять исчезал, когда-то очень знакомая тень летела впереди, но кто мог разглядеть ее в ночи?

«Шшша...»

С легким шелестом зеленая вспышка вдруг остановилась, свет исчез, и появился Зевул. Он стоял на самом верху огромного дерева.

А в нескольких шагах от него точно также остановилась и синяя вспышка, она встала прямо за его спиной, и слепящее глаза лезвие Ориханка, рукоять которого сжимала ее белоснежная рука, холодно указало ему в спину.

Ночь была тихой.

В шуме ветра слышалась печаль.

Ее платье затанцевало на ветру, вместе с полами его одежды.

Зевул медленно, медленно развернулся и посмотрел на нее.

Она была так прекрасна, что время, казалось, не коснулось ее красоты, при взгляде на нее хотелось задержать дыхание и замереть.

Но ее лицо было холодным, как и рука, сжимающая меч.

Лезвие Ориханка, холодное как лед, было в нескольких дюймах от его горла, он даже мог ощутить эту легкую прохладу на коже.

И еще непонятную печаль, распространяющуюся в сердце.

Ветер тронул ветви деревьев, их тени слегка шевельнулись на ветру.

Никто не сказал ни слова, они только спокойно смотрели друг на друга.

Десяток лет словно день за днем пронесся перед глазами, прямо через их сердца.

Сколько раз ее рука, такая же белоснежная, как десять лет назад, сжимала этот меч?

Он слегка улыбнулся, в этой улыбке отразилась горечь, и он тихо произнес: «Как поживаешь?»

Анан ничего не ответила, ни одного слова не сказала. Ее губы побелели от того, что она с силой сжала челюсть. Ночь окутала ее тень, прекрасную и одинокую.

Зевул, нет... Дан Сайон, в этой безлунной ночи, перед лицом этой девушки, он словно вернулся на десять лет назад, и кажется, его тень даже немного задрожала в темноте.

«Почему ты не убил меня?» Спокойно сказала она, холодное лезвие Ориханка все еще смотрело на него.

Он посмотрел ей в глаза, там словно плясало беззвучное яркое пламя.

Он тихо опустил голову. Через какое-то время, глядя на свою тень, глядя на ее тень, которая словно дрожала в свете Ориханка, он тихо сказал: «А почему ты, десять лет назад, в Хрустальном зале, забыв обо всем на свете, защитила меня, поручилась за меня жизнью?»

Анан ничего не ответила, но ее губы слегка задрожали. Она крепче сжала меч, так крепко, словно боялась чего-то...

Чья тень вдруг мелькнула в глубине ее зрачков?

Дан Сайон!

Неужели он не изменился? За все эти десять лет ни капли не изменился?

Она не шевелясь смотрела на него, закусив губу, стараясь сохранить ясность взгляда и остаться невозмутимо холодной.

Но только... чье это сердце билось так часто? И что это за чувство, прогоняющее холод из сердца, на протяжении долгих ночей запрытанное внутри, а сейчас вырвавшееся наружу и теплой волной растекающееся в груди?

Во рту словно появился вкус горечи и разом все пересохло.

Ее рука, сжимающая меч, медленно опустилась.

Она подняла голову к небу.

Ветер разметал ее прекрасные волосы, тронув ее белоснежное лицо.

Кажется, в небе снова начинался дождь.

<http://tl.rulate.ru/book/13084/299989>